
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

В этот период своей жизни, томимый болезненным состоянием и все более возрастающим страхом смерти, Камский весь ушел в мистику.

В пустоте и мраке последнего мгновения, которое неслышными, но быстрыми шагами неуклонно приближалось к нему, единственным светом могла быть только мысль о Боге. Вне этой мысли не было ничего, ужас обнимал мир, и оставалось только покорно и тоскливо ждать часа смерти.

Как у всех нервных людей, у Камского ужас не был тупой тяжестью, а выражался острыми припадками, когда он метался из стороны в сторону, плакал по ночам и впадал в болезненно-бессильное отчаяние. Такое мучительное состояние не могло продолжаться бесконечно, и скоро наступил перелом.

Как ни странно, но поворотным пунктом к вере и надежде, свежей волной охватившим его измученный воспаленный мозг, был необыкновенный и даже нелепый сон.

Тот вечер Камский провел в театре и домой приехал в редком для него хорошем настроении. Только нервная дрожь в концах пальцев и легкое возбуждение отмечали тот важный процесс, который совершался в это время. Однако, как только Камский лег в постель и потушил лампу, он сразу почувствовал смутную тревогу. Сердце забилося томительно-нервно, то замирая, то ускоряя свой ход, точно загнанное животное, в предсмертной тоске мечущееся во все стороны. Мрак комнаты наполнился шепчущим ужасом, по углам задвигались высокие тени, голову охватил тяжелый туман.

Всегда он страдал бессонницей, на этот раз сон охватил его с болезненной быстротой, точно все силы мгновенно его оставили. Еще не исчезло сознание темной комнаты, скорчившегося под одеялом костлявого дрожащего тела, слабого света, призрачно скользящего между оконными занавесями, а уже заколебались туманные видения.

Камскому казалось, что он еще не спит, а между тем вокруг него зашевелились, как бы формируясь из мрака, смутные фигуры семи старцев, с длинными белыми бородами, в длинных белых одеждах, сливающихся в тумане. С тоскою предчувствуя роковое, Камский стал приглядываться к ним, и тревога его возрастала. Старцы не шевелились. Как будто они сошлись к нему со всех сторон и теперь сидели вокруг, как белые вороны, опутив глаза и плетя глубокую думу. Камский видел их довольно ясно, хотя что-то туманное стояло перед глазами. Как ни было нелепо, и как ясно ни сознавал Камский эту нелепость, он сказал себе в сердце своем:

- Это семь греческих мудрецов!

И нисколько не удивился своей мысли.

Было напряженное молчание и глубокая неподвижность. Неподвижен, как труп, был Камский; как каменные истуканы сидели семь старцев, не подымая глаз, скрывающих страшную тайну, а в то же время между ними шел огненный и тревожный спор. Как будто колебались невидимые магнетические волны, наполняя все безмолвной и отчаянной борьбой. Спор шел о смерти, и Камский отчетливо воспринимал его беззвучную сущность: великие умы, заключенные в семь неподвижных фигур, склонившихся к земле бледными лицами, перекрещивались, вздымаясь, как весы, то падая, то поднимаясь и наполняя весь мир мучительным движением. Они принимали Камского в свое число и слушали его мысль, и даже, казалось, спорили именно с ним. Затаенная тревога, и великая тишина чутко стояли над землей.

И в великом молчании родился вопрос:

- Да, полное небытие, называемое смертью, будет, но будет ли оно вечно?

И в ту же минуту, как только вопрос неуклонно и строго стал перед ним, фигуры старцев бессильно зашевелились, взмыли, как сухие листья, гонимые осенним ветром, заметались в жалкой и смятенной тревоге. Одна за другой они исчезли в тумане, и только отдаленный тоскливый вой послышался Камскому.

Потом очень неясно, точно сквозь закрытые веки, не столько привиделся, сколько почувствовался вблизи маленький седенький старичок, ликом похожий на старца Серафима. И прежде чем Камский успел спросить, мягкое дуновение кроткого покоя невыразимо-радостно охватило все существо его. И не ушами, а